

РЕЦЕНЗИИ
BOOK REVIEWS

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-330-334>
EDN: FXLHVC

**Рецензия на книгу: Muslim Subjectivity in Soviet Russia.
The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri / ed. by A. Bustanov,
V. Usmanov. Brill Schöningh, 2022. 448 p.**

Динара Марданова

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

✉ dinara.mardanova@gmail.com

Для цитирования: Марданова Д.З. Рецензия на книгу: Muslim Subjectivity in Soviet Russia. The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri / ed. by A. Bustanov, V. Usmanov. Brill Schöningh, 2022. 448 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 330–334. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-330-334>

**Book Review: Muslim Subjectivity in Soviet Russia.
The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri by A. Bustanov,
V. Usmanov, eds. Brill Schöningh, 2022, 448 p.**

Dinara Mardanova

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

✉ dinara.mardanova@gmail.com

For citation: Mardanova, Dinara. "Book Review: Muslim Subjectivity in Soviet Russia. The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri by A. Bustanov, V. Usmanov, eds. Brill Schöningh, 2022, 448 p." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 330–334 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-330-334>

Каждая историческая эпоха, культурная/религиозная традиция вырабатывает собственный стиль мышления, свою систему ценностей и мыслительных координат, через которую видится и конструируется мир. Присущие человеку определенной эпохи и культурной традиции суждения формируют и очерчивают субъективность его мышления. Ислам и мусульманские сообщества многолики в своих формах и образах, поэтому на осмысление и интерпретацию прошлого опыта влияет множество субъективных факторов, которые могут быть, как сугубо индивидуальными и личностными, так и коллективными стандартами, устоявшимися нормами поведения.

© Марданова Д.З., 2023

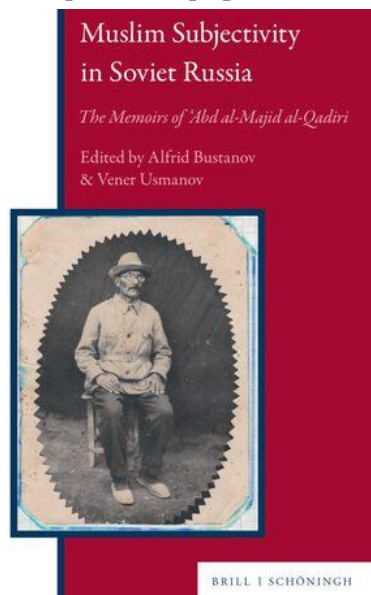
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Одним из примеров конструирования мусульманской субъективности стали воспоминания Абд ал-Маджида ал-Кадири, опубликованные историком-исламоведом Альфридом Бустановым и специалистом по эпиграфическому татарскому наследию Венером Усмановым¹ в 2022 г. под названием «Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri [Мусульманская субъективность в Советской России: Воспоминания Абд ал-Маджида ал-Кадири]» (далее – «воспоминания»)². «Воспоминания» написаны ал-Кадири в Оренбурге (Чкалове) в 1955/56 г. и интересны прежде всего уникальностью жизненного опыта своего автора, образованного мусульманина, пережившего сталинские репрессии.

Издание включает расширенную вводную исследовательскую главу («Introduction [Введение]»), оригинальный текст на татарском языке в арабской графике, академический перевод с татарского на английский. Книга содержит научный аппарат, она начинается со страницы благодарностей, за которыми следуют примечания о транскрипции и транслитерации источника, глоссарий со специальной терминологией, библиография, также имеется именной и географический указатель, позволяющий читателям ориентироваться в топонимах и антропонимах в тексте. Далее остановимся на «Введении» (С. 1–83), подготовленном Альфридом Бустановым.

В центре исследования история жизни сельского жителя, мусульманина ал-Кадири, который, по мнению автора, осмысляет свой жизненный опыт в отчетливой мусульманской манере, описывая свою жизнь как жизнь нравственного мусульманского субъекта. При этом под исламом понимается «все, что мусульмане говорят и понимают» о нем. Тем самым подчеркивается активная роль мусульманских акторов в самоописании и в придании окружающему миру смыслов. Исследование основано на историческом антропологическом подходе, эмическом ракурсе к изучению личности³.

Бесспорным достоинством «Введения» является привлечение обширной источниковой базы, которая помимо «воспоминаний» ал-Кадири включает многочисленные мусульманские эго-документы и материалы на арабском, татарском и русском языках из фондохранилищ Казани, материалы частных архивов, а также опубликованные источники. Привлечение большого числа источников обогащает контекст работы (проводятся многочисленные параллели с эго-документами Зайнаб Максудовой, Габдуллой Буби, Галимджаном Баруди, Ахмадом ал-Барангави, Габделбари Исаевым и другими), что позволяет выйти на более широкий спектр проблем, в частности, проследить генезис развития автобиографического жанра среди татар-мусульман, выявить особенности стиля и языка ал-Кадири. Наряду с татарскими материалами автор приводит параллели с Дагестаном и Средней Азией. Дополнительными ис-

¹ Альфрид Бустанов – PhD in History, ассистент-профессор Амстердамского университета (Нидерланды), заместитель директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); Венера Усманова – научный сотрудник Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань)

² Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri / ed. by A. Bustanov, V. Usmanov. Brill Schöningh, 2022.

³ Эмический подход (emic standpoint) – взгляд изнутри, глазами инсайдера.

точниками служат фотографии из семейных архивов потомков ал-Кадири, интервью с его родственниками.

В вводной части содержится тринадцать небольших разделов, на которых мы далее остановимся. В разделе «Preface [Предисловие]» (С. 1–5) обозначены цели исследования, которые состоят в том, чтобы показать широкий контекст изучаемого эго-нарратива и взглянуть на индивидуальность ал-Кадири в свете других эго-документов, которые, будучи «народными» источниками, отражают самоощущения своих авторов, их мировоззрение и представления об окружающем мире. В разделе «Conceptual Framework [Концептуальные рамки]» (С. 5–11) в качестве методологии исследования предлагается посмотреть на проявленность ал-Кадири в «воспоминаниях» через категории *персон*, как публичной и частной формы самости, которые «конструируются с течением времени в соответствии с общественными ожиданиями и индивидуальным выбором». Как отмечает Бустанов, «люди развивали в себе определенные качества и реализовывали образы, которые они считали престижными. Они культивировали стили поведения, которые нельзя свести к упрощенной смене масок/ролей. Фактическое проявление персоны отражает сложное взаимодействие с ожидаемыми и самостоятельно истолкованными ролями» (С. 9). В следующем разделе, «The Author [Автор]» (С. 11–13), помимо биографической информации сообщается о влиянии на ал-Кадири суфийской традиции, в окружении которой он рос, так и не встав на суфийский путь.

В четвертом разделе «The Work [Работа]» (С. 13–27) на основании филологического анализа Бустанов приходит к выводу, что исследуемое сочинение является результатом кропотливой длительной работы, включающей редакцию и копирование. Здесь также приводится информация о круге чтения ал-Кадири, сообщается об источниках, к которым он обращался при подготовке «Воспоминаний», разбираются жанры и стили, которыми он пользовался или вдохновлялся. Следующий раздел «Воспоминаний» – «The Audience [Целевая аудитория]» (С. 27–31). Данный раздел оставляет неоднозначные впечатления. С одной стороны, утверждается, что ал-Кадири писал прежде всего для себя: используя жизнеописание как средство психологического самолечения; создав достоверное и правдивое повествование о себе. С другой стороны, указывается на существование предполагаемого читателя, к которому ал-Кадири периодически обращается в тексте, например: «Уважаемые читатели, судите сами».

В разделе «Sources of Inspiration [Источники вдохновения]» (С. 31–36) источники, предположительно повлиявшие на ал-Кадири (*шеджерэ*, татарские биографические словари, мусульманские разряды *табакат*, *сира* – жизнеописание пророка Мухаммада, биографии Нового времени), рассматриваются через генезис развития мусульманских биографий как жанра: от агиографий раннего Нового времени к биографиям, а затем автобиографиям Нового времени, в которых наблюдается подъем мусульманского «я» и появление саморефлексии, сосредоточение внимания на индивидуальности как на центральном модусе повествования.

Как уже отмечалось, субъективность ал-Кадири рассматривается через методологическую рамку персоны/персон. Как считает Бустанов, на протяжении всех воспоминаний Абд ал-Маджид ал-Кадири описывает себя через две основные персоны: благочестивый специалист по Корану – *кари* и несправедливо угнетаемый человек – *мазлум*. «Persona I: *Qary* [Персона I: Кари]» (С. 36–43) представляет собой воплощение идеальной личности, в основе которой – авторитет пророка Мухаммада и Коран. Автора «Введения» поражает сходство описания ал-Кадири себя в качестве *кари* с аналогичными описаниями других чтецов Корана, например, Файд ар-Рахман б. Ахмад ал-Амири (р. 1874). «Persona II: *Mazlum* [Персона II: Мазлум]» (С. 43–50) в «Воспоминаниях» ал-Кадири сочетает самопожертвование

с ярко выраженной лояльностью к советскому режиму, когда испытания становятся личным испытанием от Бога для выявления лучших нравственных качеств личности. Ее появление связано с многолетними репрессиями ал-Кадири, который провел в лагерях и тюрьмах большую часть своей активной жизни. Эта персона основывается на коранической традиции, вопросах власти и авторитета.

В качестве основополагающих в субъективности ал-Кадири Бустанов выделяет две персоны – *кари* и *мазлум*. Однако данные категории не вмещают весь спектр проявлений личности автора «Воспоминаний». Прочие проявления субъективности ал-Кадири рассматриваются в других разделах. В частности, суфийское влияние на ал-Кадири рассматривается в разделе «Sufi Models of Subjectivity [Суфийские модели субъективности]» (С. 50–55). Выделение суфийских моделей, а не персоны суфия, вероятно, вызвано тем, что сам ал-Кадири не считал себя суфием, но при этом находился под влиянием суфийской традиции и заимствовал важные аспекты суфийской практики, такие как почитание могил и празднование Мавлида⁴.

Еще один раздел – «Inter-Subjective Relations [Интерсубъективные отношения]» (С. 55–65) посвящен теме мобильности и интерсубъективным отношениям, их переплетению в нарративе ал-Кадири при описании себя и других. Этот раздел рассказывает об ал-Кадири как о мобильном, подвижном субъекте, умеющим налаживать контакты и связи, хорошо знакомым с многонациональным миром и его людьми. Здесь собрано все, выходящее за пределы привычно мусульманской и исламской тематики, для которых выделены отдельные разделы – *кари*, *мазлум*, *суфийское влияние*.

Тема пространственной идентичности автора рассматривается в разделе «On the Perception of Space [Восприятие пространства]» (С. 65–73). Используемые для самоописания личности ал-Кадири – *кари* и *мазлум* – разделены пространственно и эмоционально. Все положительное в его жизни происходило в Стерлибашево и Медине – в период *кари*. Государственное угнетение, лишившее ал-Кадири систематического чтения Корана как некоего служения одновременно разлучило его с любимым селом Стерлибашево – период *мазлума*.

Необычный и, как кажется, несколько выбивающийся из общего нарратива блок – «Life After Death [Жизнь после смерти]» (С. 73–82). Этот раздел посвящен традиции, заложенной ал-Кадири к написанию мемуаров и автобиографического письма среди его потомков, памяти о нем среди родственников, трансформации его образа в семье. Здесь речь идет не про субъективность, как о чем-то связанном с самовосприятием и «самопониманием» индивида. Здесь, скорее, поднимается проблема памяти и ее бытовании в условиях семейной истории. В последней, заключительной части «Введения» подводятся итоги о судьбе нравственного субъекта в Советской России – «Conclusion: The Fate of the Moral Subject in Soviet Russia [Заключение: судьба нравственного субъекта в Советской России]» (С. 82–83). По мнению Бустанова, ал-Кадири в своих «Воспоминаниях», обращаясь к близким его самоощущению, символам и языку исламской традиции, создавал образ мусульманского нравственного субъекта. Одновременно он маргинализировал колониальный язык как не имеющий отношения к портрету мусульманского нравственного субъекта, которого он изображал.

Вторая большая часть издание представляет собой академический перевод воспоминаний с обширными историческими и филологическими комментариями (С. 85–228). И заключительная, третья часть – это оригинальный текст воспоминаний на татарском языке в арабской графике (С. 229–425).

⁴ Мавлид – празднование дня рождения пророка Мухаммеда.

В заключение следует подчеркнуть значимость издания «Мусульманская субъективность в Советской России: Воспоминания Абд ал-Маджида ал-Кадири», в котором предлагается новый подход для работы с эго-документами через призму субъективности и личности автора. В российской историографии пока не так много работ, написанных в подобном ключе, и это особенно касается истории мусульманских субъективностей, поэтому данная книга вносит важный вклад в развитие данного направления. Исследование рассчитано на историков, всех интересующихся российской историей, а также вопросами субъективности, эго-документами и их интерпретацией. Без сомнения, проведена внушительная работа, связанная не только с подготовкой текста источника и его перевода к изданию, но и с анализом публикуемого материала, который рассматривается в свете других эго-документов.

Несмотря на положительное в целом впечатление от рецензируемой работы все же хотелось поделиться и некоторыми критическими замечаниями и комментариями. Складывается ощущение некоей разделенности между мусульманским (разделы «Кари», «Мазлум», «Суфийские модели субъективности») и немусульманским («Интерсубъективные отношения»). Включение автора «Воспоминаний» в пространство многонационального мира в качестве некоего современного героя в разделе «Интерсубъективные отношения» дает интересный ракурс, вместе с тем передвижения ал-Кадири вполне могли бы быть рассмотрены, например, в свете гибридных форм *хаджнаме*, *сафарнаме* или поездок с образовательными целями, – и тем самым вписаны в мусульманскую эпистему. Интересно было бы проследить, как менялись эти категории под влиянием происходящих в мире изменений, как они приобретали новые формы? Иначе такие черты современного мира, как мобильность, адаптивность, полиэтничность, поликонфессиональность и другие, оказываются «как бы» немусульманскими: по причине либо своей недостаточной традиционности, либо «европоцентричности» в своей основе.

Отмеченные замечания не носят принципиального характера и высказаны в качестве пожеланий и ни в коей мере не умаляют значимости исследования. Представленная на суд читателя книга имеет большое научное значение как для дальнейшего изучения мусульманских субъективностей в целом, так и татарской истории в частности.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.04.2023

References

Bustanov, A., and Usmanov, V., eds. *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri*. Brill Schöningh, 2022.

Информация об авторе / Information about the author

Динара Замировна Марданова, и.о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина Института истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан; 420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А; dinara.mardanova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3650-0133>

Dinara Z. Mardanova, Acting Head of Ya.G. Abdullina Department of the History of Religions and Social Thought., Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturina Str., Kazan, 420111, Russia; dinara.mardanova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3650-0133>